

в купечество, в гильдию, соответственно платимой в казну откупной суммы. 23 октября 1819 г.).

²⁰ Там же. Собр. 2. Т. 25, ч. 1. № 24 059. С. 314–327 (О содержании с 1851 по 1855 г. чарочных откупов в привилегированных губерниях. 6 апреля 1850 г.).

²¹ ГАНО. Ф. 230 (Канцелярия николаевского военного губернатора). Оп. 1. Д. 1076 (О передаче в откуп мещанину Гладилину николаевских городских весов и мер). Л. 1.

²² ПСЗ. Собр. 2. Т. 36, ч. 2. № 37 197. С. 39–41 (Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе. 4 июля 1861 г.).

Е. В. Банникова

«ЕХАЛ НА ЯРМАРКУ УХАРЬ-КУПЕЦ...»: ЯРМАРОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В ДЕЛОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ УРАЛЬСКОГО ДОРЕФОРМЕННОГО КУПЕЧЕСТВА

В рамках исследования повседневной жизни уральского дореформенного купечества необходимо выделить такой ее аспект, как трудовая или деловая повседневность. Именно труд, как одна из форм организации повседневного существования, предоставлял предпринимателям возможность для социально-профессиональной самоидентификации. Труд купцов осуществлялся в определенной профессиональной среде, которая включала в себя: 1) объект и предмет труда; 2) средства труда; 3) цели труда и его профессиональные задачи; 4) условия труда. При этом именно условия труда в большей степени были связаны с будничными практиками и обстоятельствами жизни предпринимателей в определенной городской среде. Условиями труда может быть названа совокупность факторов, влияющих на работоспособность и здоровье работника. К ним может быть отнесен характер организации рабочего места, объем физической и психологической нагрузки работника. В рамках данной статьи будут проанализированы условия труда уральского купечества в ситуации ярмарочных торгов.

На Урале в дореформенный период именно ярмарки представляли собой наиболее развитую форму торговли, что было обусловлено отдаленностью этого огромного региона от Центральной России с ее промышленными центрами, отсутствием прямых выходов к морю, а также неразвитостью внутренней транспортной сети.

В Пермской губернии по официальным данным¹ по три ярмарки в год собирались в Шадринске, Перми и Кунгуре, по две — в Екатеринбурге и Красноуфимске и по одной — в Ирбите, Осе, Камышлове, Оханске. Самой крупной ярмаркой являлась Ирбитская, считавшаяся второй после нижегородской Макарьевской ярмарки. Привоз товаров на нее оценивался более, чем в 30 млн. руб. В Вятской губернии, по мнению составителей «Военно-

статистического обозрения Вятской губернии», вовсе не было «мест, которые были бы важны по внутренним торговым оборотам»². В основном региональные городские ярмарки были совсем мелкими и служили местом товарообмена между уездными городскими и сельскими центрами. В Слободском проходило три ярмарки в год, в Орлове — две, по одной — в Вятке, Котельниче, Яранске, Нолинске, Уржуме. Самой длительной была Алексеевская ярмарка в Котельниче. Она же и отличалась наибольшей суммой привоза — более 850 000 руб. В Оренбургской губернии по два торжища проходило в Бирске, Бузулуке, Бугуруслане, Бугульме, Стерлитамаке, Сергиевске, три ярмарки — в Челябинске и по одной — в Уфе, Троицке, Мензелинске, Верхнеуральске и Белебее. Наиболее крупной ярмаркой была Мензелинская. В начале 1850-х гг. ее оборот превышал миллион рублей серебром.

На городских ярмарках, по сравнению с сельскими, осуществлялись более крупные торговые операции. В города на ярмарочные торги чаще приезжали не только местные, но и иногородние купцы. В итоге на городских ярмарках складывалась специфическая обстановка, определявшая деловое поведение коммерсантов.

Прежде всего, участие в ярмарках предполагало длительные далекие переезды, часто на протяжении нескольких месяцев подряд. Это влекло серьезные проблемы бытового характера, связанные с неблагоустроенностью такой «кочевой» жизни. Путешествия в дореформенной России были мероприятием малоприятным и небезопасным. По воспоминаниям К. И. Клепикова, «Вятские торговцы ездили в Казань и Нижегородскую ярмарку транспортом по несколько повозок на переменных и протяжных лошадях, не отставая один от другого, боясь грабежа, вооруженные ружьями и пистолетами (с обороной, как выражались)»³. В региональной прессе публиковались объявления о поиске похищенного в пути имущества. Так, «Пермские губернские ведомости» в 1849 г. сообщали о розыске вещей, принадлежащих камышловскому купцу 2-й гильдии Ивану Никифоровичу Макарову. В дороге между деревнями Сулем и Болгар у его повозки был «подрезан задок» и украдены предметы одежды (сюртук, брюки, капот, картуз), серебряные часы, бумажник с 65 руб. серебром и бисерный кошелек с 3 руб. серебром. Общая сумма ущерба составила более 160 руб. серебром⁴.

Но, пожалуй, наибольшую проблему в провинции чаще всего представляли не дорожные разбои, а сами дороги. Вятский купец Я. А. Прозоров констатировал, что дороги на главные пристани губернии «существуют только зимою». Летние же дороги «непроездные, заваленные и обросшие лесом, набросанные кое-как изгнившим жерденником и мелким лесом». Но и зимой, «по причине глубоких снегов», а также из-за того, что снег ложится на все те же «непроездные» тропы, «дороги с января, в особенности в феврале и марте, бывают самые несносные, с огромными ухабами и раскатами с обеих сто-

рон». «В доказательство поясню, — писал предприниматель, — что в феврале 1858 г., я, отправляясь из Архангельска, от Ношульской пристани до села Летского 67 вер[ст] на переменных лошадях, ехал 32 часа и в числе этих верст более половины шел пешком, так что невозможно было сидеть в повозке. По такой-то дороге тянутся обозы с товарами несчастных наших возчиков, на измученных лошадях, поддерживая постоянно воз своими руками, а по сторонам представляются им зрелища павших лошадей, изломанных саней и оглобель, оставленных подобными им тружениками»⁵.

Купцы, вынужденные проводить в пути большую часть своего рабочего времени, остро ощущали эти дорожные проблемы на собственных телах. Так, в письме вятского купеческого сына Алексея Моралева из Нижнего Новгорода отцу в Вятку говорилось: «по непривычке путешествовать, а в некоторых местах по причине дурных дорог меня так растрясло, что я приехав в Нижний едва отдохнул, но и теперь еще чувствуется в голове боль и какой-то шум...»⁶.

Однако комфортабельность поездки никогда не являлась для купцов приоритетом. Главным было быстро совершить все сделки на одной ярмарке и успеть на следующую. Так называемые «ярмарочные цепи», включавшие в себя три, четыре, а то и большее число ярмарочных пунктов, составлялись именно с учетом возможных переездов предпринимателей с одного из них на другой. И здесь поговорка «время — деньги» как нельзя лучше отражала сущность профессии. Так, например, особенностью Ирбитской ярмарки была ее тесная связь с ярмаркой Нижегородской (Макарьевской). «Главнейшие оптовые обороты совершаются обыкновенно в самом начале ярмарки, — писал Х. Мозель, — Такая поспешность в торговле основана на сроках, которые, при местных условиях края и дальности пути, не допускают медленности, особенно в больших операциях. Ирбит не имеет водяных сообщений, поэтому ярмарка должна быть зимою, когда состояние дорог позволяет с удобством везти товары гужем и именно в конце зимы, потому что иначе обозы из дальней Сибири не могли бы успеть к сроку»⁷.

В «Описании пути от Иркутска до Москвы» Василия Паршина имелось замечание о новшествах в передвижениях купечества по Пермской губернии. Там был организован «вольный», и, соответственно, дорогой проезд на тройке (9 коп. серебром). Теперь купцы по трое ездили «в огромнейших экипажах» и везли «под собой» 45–50 пудов товаров (преимущественно максимально легких и максимально ценных). Такой «быстрый и безостановочный провоз 50 пудов ценных товаров есть уже чистый выигрыш и во времени и в провозе товаров». Паршин описывал свою встречу с «экипажем, нагруженным тройною тягостию трех седоков, которые, упираясь головами в балок повозки или брички, сохраняют с удивительною легкостию равновесие, — на верху перины или ковра, покрывающих дорожную свежинку модных товаров...»⁸.

Очевидно, что быстрота передвижения не означала повышения степени его комфортности. Сопровождение партий товаров было также сопряжено с необходимостью постоянно находиться рядом с закупленными вещами, чтобы уберечь их от кражи, что также ухудшало бытовые условия жизни предпринимателя.

Ярмарка была местом деловых встреч и удачным моментом для налаживания деловых контактов. По словам очевидца, именно на ярмарках заводились «обширные коммерческие знакомства, имеющие целью выяснить благонадежность каждого торговца, состояние его дел и определить размер его кредита»⁹. Чаще всего, «рабочие встречи» на ярмарке происходили в трактирах. Как писал нижегородский писатель и краевед А. П. Мельников, «под вечер шел торговец бывало в трактир не для гульбы и даже не всегда только для того, чтобы напиться, а больше для встречи с нужными людьми, для того, чтобы послушать, о чем толкуют, поразузнать, что делается у соседей, с своеобразной тонкой коммерческой дипломатией выведавать у приятеля по возможности о положении на других рынках, связанных в торговом отношении с его рынком, для кое-каких соображений относительно возможного расчета на известный размер сбыта и в связи с этим установки цен, которые в начале каждый отдельный торговец ... держит обыкновенно в секрете, производя так сказать пробные продажи по возможности негласно. ... Печати, даже специальной печати, торговец в большинстве случаев плохо верит, многие и поныне в газеты заглядывают редко... Коммерческие новости, нужные для себя сведения торговец получает в живой беседе»¹⁰.

Кроме того, трактиры совершенно очевидно выполняли и свое прямое назначение — с помощью совместных возлияний продавцы и покупатели «умягчали» нравы друг друга, делались сговорчивее. Да и как предприятия общественного питания трактиры были совершенно необходимы. Чтобы предотвратить пожары, во исполнение именного указа от 24 февраля 1805 г.¹¹, в лавках нижегородской Макарьевской ярмарки (главного центра обмена товарами для предпринимателей «заволжской» России) запрещалось использовать свечи и держать самовары. 12 июня 1822 г. в сенатском указе в помещениях над лавками, приспособленных под проживание торговцев, допускалось «только одно необходимое освещение», все же иные варианты использования открытого огня строго запрещались. Необходимую же горячую воду предписывалось получать «из трактирных заведений при ярмарке расположенных»¹². Следовательно, кроме как в трактире, купец зачастую нигде не мог получить горячей пищи.

Можно было, конечно, попытаться снять квартиру или комнату у какой-нибудь сердобольной хозяйки, но это означало дополнительные траты, поскольку жители городов, в которых проходили даже относительно крупные ярмарки, стремились ободрать своих постояльцев как липку. У небольших уездных городов, каковым, например, был Стерлитамак Оренбургской губер-

нии, имелся «важный недостаток — нет гостиниц; ничего нельзя порядочно-го отыскать даже и в самом Стерлитамаке, где тоже нет ни гостиниц, ни трактиров, ни даже какого-либо официального приюта для приезжающего. В случае, если б нужно было прожить два—три дня в Стерлитамаке, нужно отыскать квартиру, но квартира оказывается неудобною, а хозяин-спекулянт берет дороже иногда столичного...»¹³.

С. И. Черепанов в своих путевых заметках об Ирбитской ярмарке писал: «Физиономия города Ирбита в течение одиннадцати месяцев в году бывает самая печальная. Это человек, ожидающий одиннадцать месяцев своего единственного годового дохода; это актер, печально исполняющий свою обязанность до своего годового бенефиса. Большая часть домов закрыта ставнями и стоит точно восточная женщина под фатою. Ворота открываются реже, чем уста пустытника, а огромный каменный гостинный двор представляет мифологического циклопа, единственный глаз которого есть единственная открытая лавочка...»¹⁴. Однако с началом ярмарки город преображался: «Первые этажи сдавались под склады, вторые — под номера. Для двора был типичен флигель. Даже домики на окраинах строились с расчетом извлечения большей выгоды. Неказистая постройка, а непременно в двух уровнях с полуподвалом. Сдавалось внаем решительно все, что годилось — дома и дворы. Хозяева с семьями на это время перебирались куда придется: в каморки, кухни, прихожие, подвалы и даже в бани»¹⁵.

В городе Мензелинске Оренбургской губернии, где проходила вторая по оборотам российская ярмарка, ситуация складывалась совершенно аналогично. Р. Г. Игнатьев писал о Мензелинске: «город бедный, сам по себе не промышленный, оживающий, после годовой мертвенности, на какие-нибудь две недели по случаю ярмарки»¹⁶. По его словам, все городские дома «только для того и построены и для того существуют, что для ярмарки, а хозяева только и живут, что с доходов от постоя во время ярмарки, не заботясь даже о порядочном устройстве домов, потому что очень хорошо знают, что каков бы ни был дом, не только в жильцах не будет недостатка, а напротив того, им за квартиру за каких-нибудь 10–15 дней заплатят не торгуясь столько, сколько не дает и не может дать дохода тот же самый дом в течении целого года. В особенности дороги квартиры на ярмарочной или соборной площади...»¹⁷.

По мнению другого автора, «жители Мензелинска в обыкновенное время мало занимаются чем либо для себя полезным: вся надежда у них на ярмарку»¹⁸. Ярмарочный сезон действительно приносил жителям города колоссальные барыши: «Тут у них полная чаша всего: чай пьют по несколько раз в день, кушают что душе угодно, об вине уже и не говорю, его вдоволь; словом на все, как они говорят, разливанное море!»¹⁹. Средняя цифра городского дохода от ярмарки простиралась до 16 тыс. руб. серебром, а доходы жителей от домов — до 11 тыс. руб. серебром²⁰, то есть составляли

приблизительно 2/3 от цифры доходов от всей ярмарки. В Мензелинске для приезжающих имелись и гостиницы, но даже в «самых посредственных» из них на период ярмарки цены взлетали вдвое.

Некоторые торговцы пытались оградить себя от лишних трат, снимая одну комнату на несколько человек, «следуя вполне русской пословице — “в тесноте люди живут и теснота не обидает”. — Духота, шум, гам, вечный чад и угар от десятка самоваров ... Но цель достигнута, каждый ... постоялец, благодаря складчине, дешево отделался каким-нибудь полтинником — и ярмарку видел...»²¹.

Вне зависимости от понесенных на проживание расходов, каждая успешная купеческая сделка непременно оканчивалась хорошим кутежом. По тому, какие именно торговцы уходили в запой, можно было определять, торговля каким видом товара подходила на ярмарке к концу. Вслед за торговцами на ярмарку съезжались «жрицы любви». Например, на Воздвиженскую ярмарку в Бугульме прибывали «белошвейки, которых профессия заключается в непотребстве и в обкрадывании молодых купеческих прикащиков, ищущих в обществе их рассеянности, по ночам, после дневных забот на ярмарке»²².

Для развлечения торгующей и покупающей публики на ярмарку приезжали артисты разных жанров, как провинциальные, так и столичные. Театральные и цирковые представления, кукольные балаганы и зверинцы, дешевые лотереи и игра в кости, катание на лодках — любой мог найти себе развлечение по нраву. «Ярмарка здешняя есть — самое веселое время, — писал М. М. Сомов об уфимском торге, — только погода ей редко благоприятствует. Посетителей после обеда на ярмарку собирается довольно много, но не столько покупать, сколько погулять и поглазеть»²³. В 1838 г. на ярмарке в Бугульме пользовался успехом господин Заборовский, «польский уроженец, прибывший из Москвы и показывавший на ярмарке в балагане машинный фейерверк, без пороха, состоящий в иллюминациях»²⁴.

Вообще, судя по имеющимся в распоряжении исследователей источникам, поездки на ярмарку являлись для купцов хотя тяжелой физически и напряженной психологически, но иногда даже приятной обязанностью. Вполне возможным было бы провести аналогию между купеческими ярмарочными съездами и современными длительными командировками представителей каких-либо компаний. В обоих случаях, как правило, собирался мужской коллектив, не особенно прихотливый в плане быта, стремящийся сочетать решение деловых вопросов с довольно свободным и вольным времяпрепровождением. По мнению С. Е. Юркова, идейной подоплекой ярмарочных увеселений являлась демонстрация победы над монотонностью повседневности, торжество над рутинной. По этой причине всякий элемент ярмарочной жизни окрашивался в тона, резко контрастирующие с обыденностью, и, как следствие этого, поведение на ярмарке выходило за границы

норм, предписанных или рекомендуемых системой официальной идеологии в виде поведенческого эталона²⁵.

В то же время, в Котельниче Вятской губернии ярмарочный торг открывался 1 марта, и поскольку дни ярмарки, как правило, приходились на время Великого поста, все увеселения на ней категорически запрещались. Старший советник Вятского губернского правления Я. Н. Алфеевский в 1845 г. с удивлением отмечал: «Станным кажется, чтобы в захолустье, не имеющем никакой промышленности, ни одного завода, ни одной фабрики, чтобы в маленьком городке, состоящем из 293 домиков и из 1976 обоего пола жителей, существующая там ярмарка могла простираться на миллион рублей. Еще более удивишься, когда вступишь в самую ярмарку. Следуя на нее, представляешь обычную сему случаю пестроту, разнообразие и разноцветность вещей и людей; но, приближаясь к настоящей ярмарке и глядя на ее с горы, — в этой яме, в этом котле, где она совершается, — примечаем одно только брожение разноцветных лошадей с одноцветными (!) людьми. Спускаешься вниз, ходишь по самой ярмарке, — и однообразие скоро вас утомит. За исключением небольшого количества чиновников и купцов, все остальное серо, все с бородою (!), все в лаптях. Не видишь тут даже полицейских приставов и служителей. Верно, законы и полицию заменяет здесь, в случае надобности, собственный кулак (!) русского мужичка. Не слышишь ни одного звука тех музыкальных инструментов, которые служат обычным оживлением других российских ярмарок. Здесь ухо пробуждается ржанием лошадей да припевами убогих и увечных, сидящих на окраинах дорог и выпрашивающих подачи от проходящих и проезжающих»²⁶. То есть даже «погулять» и «расслабиться» после удачной сделки на котельничской ярмарке купцы возможности не имели. Стресс, связанный с профессиональной деятельностью, снять было проблематично.

Итак, периодическая торговля, осуществляемая как на российских ярмарках, так и в ходе коммерческих операций за пределами страны, была сопряжена со значительными физическими, умственными и психологическими нагрузками предпринимателей. Отсутствие хороших дорог и гарантий их безопасности даже внутри страны превращало перемещения купцов с товарами в опасное и утомительное путешествие. При операциях с эксклюзивными импортными товарами (например, чаем) купцам приходилось прилагать дополнительные усилия к определению их качества и организации их сохранности. Доставив товар к месту сбыта, купец должен был позаботиться о надежном складском помещении, найти покупателя, заключить сделку. На полноценные сон и еду в таких случаях времени хватало не всегда. Да и соображения экономии играли здесь не последнюю роль. Данные условия трудовой деятельности никак нельзя было назвать благоприятными. В профессии в итоге оставались сильнейшие.

Примечания

- ¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14, ч. 1. СПб., 1852. С. 166–177.
- ² Там же. Т. 2, ч. 4. СПб., 1850. С. 85.
- ³ Клепиков К. И. Воспоминания вятского старожила. Вятка, 1899. С. 6.
- ⁴ О похищенном имении и деньгах // Пермские губернские ведомости. 1849. № 38. Ч. неофиц. С. 78–79.
- ⁵ Прозоров Я. А. О хлебной торговле Архангельского порта // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1867. Т. 1. С. 574–575.
- ⁶ ГАКиРО. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1. Л. 25 (письмо А. Моралева И. Е. Моралеву от 11 сентября 1839 г.).
- ⁷ Мозель Х. И. Пермская губерния. Ч. 2. СПб., 1864. С. 391.
- ⁸ Паришин В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное 1849 г. М., 1851. С. 117–118.
- ⁹ Монастырский С. И. Иллюстрированный спутник по Волге: В 3-х ч. С карт. Волги: Ист.-стат. очерк и справ. указ. Ч. 3. Казань, 1884. С. 53.
- ¹⁰ Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817–1917). 2-е изд. Н. Новгород, 1993. С. 19–20.
- ¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 28. № 21 635 (О построении гостиного двора для Макарьевской ярмарки, о мерах безопасности от пожара во время оной и об отряжении ежегодно казначей команды для обеспечения идущих на ярмарку караванов. 24 февраля 1807 г.).
- ¹² Мельников А. П. Очерки бытовой истории... С. 23.
- ¹³ Игнатьев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. 1. Оренбург, 2011. С. 80.
- ¹⁴ Черепанов С. И. Ирбитская ярмарка: (Из путевых заметок) // Библиотека для чтения. 1856. Т. 139, № 9. С. 3–4 5-й паг.
- ¹⁵ Антропов И., Смирных А. Ирбитский торг: Сословия гостевого города // Родина. 1994. № 10. С. 33.
- ¹⁶ Игнатьев Р. Г. Собрание сочинений... Т. 1. Оренбург, 2011. С. 63.
- ¹⁷ Там же. Т. 2. Уфа, 2011. С. 64.
- ¹⁸ Курбатов В. Д. Г. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, 6. г. С. 68 1-й паг.
- ¹⁹ Там же. С. 65 1-й паг.
- ²⁰ Там же. С. 73 1-й паг.
- ²¹ Игнатьев Р. Г. Собрание сочинений... Т. 2. Уфа, 2011. С. 75.
- ²² ГАОренО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11 087. Л. 25 об., 26.
- ²³ Сомов М. М. Описание Уфы // Оренбургские губернские ведомости. 1864. Ч. неофиц. 17 окт.
- ²⁴ ГАОренО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11 087. Л. 26.
- ²⁵ Юрков С. Е. Эстетика мета-нормативного поведения в русской культуре XI — начала XX веков: Дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2004. С. 202.
- ²⁶ Цит. по: Большаков С. Д. История города Котельнича. Котельнич, 2006. С. 47–48.